

Дети растут и меняются поразительно быстро. Кажется, еще вчера в родной деревне Сикань Бэйшэн рос настоящим сорванцом, а приехав в столицу, без тени страха карабкался на высокие помосты, чтобы поглазеть на золотых рыбок. Теперь же стоило ему слегка прикусить губу и пустить каплю крови, как он поднимал рев на весь дом. Видимо, советы модных специалистов по воспитанию хороши лишь до определенной степени — когда они помогают избавить ребенка от дурных привычек. Но если вырастить из него изнеженного, пугливого «маленького джентльмена», которому и шагу ступить нельзя без разрешения, это будет явным перебором. Во всем хороша мера, а крайности только вредят.

Любого человека, как и зверя, можно вымуштровать, но Гоудань меньше всего желал младшему брату трусости и безволия. Наш мир лишь на первый взгляд кажется тихим и мирным, а на деле скрывает безжалостные законы, способные сожрать любого слабого. Единственное, чего Гоудань по-настоящему требовал от мальчика — не совершать в будущем непоправимого и не преступать закон. А в остальном... какая разница, кем он вырастет? Не обязательно стремиться к идеалу во всем, достаточно быть разумным и честным человеком.

Бэйшэн и не подозревал, что минутная слабость и слезы обрекли его в глазах старшего брата на суровые испытания характера. Гоудань твердо решил закалить его дух.

Разработав план действий, Гоудань и А-Сюань начали каждые выходные брать Бэйшэна с собой: то на каток, то за город на ферму, то на рыбалку в Южные регионы. Они ходили в горы и гоняли футбольный мяч. Стала ли храбрее мальчишеская душа — сказать трудно, но довольны были все трое. Месяц-другой таких активных вылазок принес свои плоды. Проводя больше времени со старшими, Бэйшэн постепенно понял, что грозный брат вовсе не собирается его обижать. По крайней мере, он перестал робеть и зажиматься каждый раз, когда Гоудань заходил в комнату.

Теперь, стоило Гоуданю вернуться с работы, как навстречу ему с веселым топотом летел младший. Мальчик заботливо приносил домашние тапочки и даже набрался смелости заявлять о своих желаниях: то просил деньги на школьные взносы, то выпрашивал новый футбольный мяч или заводную машинку. Иногда он даже ухватывал брата за рукав и вел за собой в гостиную. Гоудань радовался этим переменам. Кому понравится видеть рядом с собой забитого, вечно испуганного ребенка, который ведет себя так, словно его целыми днями тиранят?

Однажды вечером Бэйшэн, дежуривший у окна, заметил въезжающий во двор автомобиль брата. Сорвавшись с места, он вихрем промчался по коридору.

— Братец, братец! — закричал он, сияя от восторга. — Папа с мамой звонили! Они завтра приезжают!

— Вот как? — Гоудань принял из рук мальчика тапочки, переобулся и ласково потрепал его по затылку. — Ну и как, ты рад?

— Очень рад! — Бэйшэн закивал так усердно, что едва не потерял равновесие. — Папа сказал,

что привезет кучу вкусностей. Нашу любимую копченую утку и соленые утиные яйца!

«Нашу любимую? Скорее уж твою любимую» — с улыбкой подумал Гоудань.

Как ни крути, а Бэйшэн оставался ребенком. За последние месяцы он стал послушным и покладистым, но тоска по родителям никуда не делась. Сами же супруги Ли, сколько их ни звали, упорно отказывались перебраться в столицу насовсем, ограничиваясь редкими телефонными звонками.

— Правда? — переспросил Гоудань.

— Честное слово! — подтвердил мальчик.

Поняв, что старший брат больше ни о чем расспрашивать не собирается, Бэйшэн звонко крикнул в глубь дома своим нежным детским голоском:

— А-Сюань, братец вернулся! Можно накрывать на стол!

Его радостный крик эхом разнесся по просторной гостиной. Малыш подбежал к А-Сюаню, крепко обхватил его обеими руками за бедро и заглянул снизу вверх, весело прищурившись. Глядя на эту искреннюю детскую улыбку, невозможно было не улыбнуться в ответ.

Правда, улыбка у Бэйшэна теперь выходила забавной — беззубой и свистящей. Нижний резец уже отрос наполовину, белея аккуратным маленьким краем, зато верхний недавно выпал, а новый еще и не думал пробиваться. Из-за этого симметричного провала мальчик сильно шепелявил. Ему теперь тяжело было грызть яблоки, да и с любимыми свиными ребрышками приходилось возиться, пристраивая их к уцелевшим боковым зубам, отчего рот у него забавно перекашивался.

— Раз так, беги на кухню и помоги тетушке Цзян расставить приборы, — мягко сказал А-Сюань. — Твоему брату нужно сначала переодеться и вымыть руки.

— Бегу! — воодушевленно отозвался Бэйшэн и уже собрался сорваться с места, но А-Сюань вовремя перехватил его за плечо.

— Стоять. Почему опять босиком? Где носки? И мыл ли ты руки, а, помощник?

— Ой, забыл... Сейчас надену тапочки!

— Вот именно. Обуйся, вымой руки с мылом, а потом марш помогать.

Выслушав наставления, Бэйшэн послушно затопал обуваться, а затем так же шумно побежал в ванную. Маленький человек изо всех сил старался казаться взрослым и страшно занятым.

Когда Гоудань спустился в домашней одежде, он застал забавную картину: Бэйшэн уселся на колени прямо на стул и, вытянувшись над столом, увлеченно перебирал посуду. Столовые приборы давно уже лежали на местах, но мальчик упорно выравнивал палочки по длине и разворачивал ложки строго в одну сторону, находя в этом кропотливом занятии несказанное удовольствие.

Услышав шаги на лестнице, он обернулся и расплылся в щербатой улыбке:

— Братец, пора куфать!

Гоудань потянулся было потрепать его по макушке, но мальчишка ловко увернулся.

— Братец, не трогай! — серьезно, хоть и отчаянно шепелявя, предупредил он. — Если потрогаешь волосы, придется заново мыть руки. А-Сюань говорит, там микропы... то есть микробы!

Гоудань невольно рассмеялся. Надо же, стоило пожить бок о бок с А-Сюанем, как парень тоже заделался чистюлей.

Сам Гоудань всегда отличался простотой и неприхотливостью, однако за годы совместной жизни многие привычки пришлось пересмотреть. А-Сюань с самого детства терпеть не мог грязи и беспорядка — сама судьба велела ему стать врачом.

Приезд отца и мачехи обещал избавить Гоуданя от лишних хлопот. На прошлый Новый год супруги Ли так и не выбрались в столицу, да и сами ребята в родную деревню не поехали, так что праздники все встречали порознь. Но в конце концов тоска по сыновьям взяла верх над упрямством. Стоило празднику Весны замаячить на пороге, как отец, прихватив с собой госпожу Яо, поспешил вылететь в Столицу.

Поскольку в доме Гоуданя был телефон, родители частенько созванивались с Бэйшэном. Из бесхитростной детской болтовни они узнавали о новостях и делах старшего сына. Напрямую с Гоуданем отец заговаривал редко — ему было куда проще общаться с мягким по характеру А-Сюанем. Между отцом и старшим сыном все еще лежала тень прежней отчужденности. Эта поездка в столицу стала своего рода негласным шагом к примирению: никто не произносил громких слов, но поступки говорили сами за себя.

Главной же причиной спешки стало ошеломительное известие. Гоудань как-то вскользь упомянул в разговоре, что в следующем году отцу наконец-то доведется нянчить внуков — дело решенное, причем родится сразу двойня. Ли Сы от этой новости едва не сошел с ума от счастья. Как бы ни был упрям его старший сын, лгать он не умел никогда.

Нетерпение отца перешло все границы. Гоудань сообщил новость лишь утром, а к вечеру Бэйшэн уже рапортовал об их скором прибытии. Отец не пожелал ждать машину, которую Гоудань планировал выслать за ними, и тут же попросил Цичжи купить билеты на ближайший авиарейс.

Едва переступив порог столичного дома, Ли Сы засыпал А-Сюаня вопросами. Бедному лекарю пришлось объяснять все до хрипоты. Он запустил компьютер и вывел на экран медицинские отчеты. Плотные колонки английских терминов ни о чем не говорили пожилым супругам, зато они завороченно разглядывали снимки. Даже размытое черно-белое изображение УЗИ, от которого сам Гоудань кривился и держался подальше, Ли Сы изучал с благоговением, едва ли не утыкаясь носом в монитор.

С приездом родителей и началом зимних каникул Гоудань со спокойной совестью препоручил заботы о Бэйшэне отцу и госпоже Яо. Конец года требовал колоссальных сил: у них с А-Сюанем дел в компаниях накопилось столько, что вздохнуть было некогда.

Доля владельца крупного бизнеса не знает отдыха в праздники. Напротив, в этот период лавиной обрушиваются бесконечные банкеты, приемы и встречи для укрепления деловых связей. Спиртное лилось рекой, хотя реальной пользы от этих хмельных посиделок бывало немного. Знаменитая китайская застольная культура требовала своего, и обойти ее стороной не мог никто.

В просторном зале бильярдного клуба царило приятное тепло. Гоудань, сменив строгий костюм на серый шерстяной трикотаж с высоким горлом и безупречно скроенные брюки, выглядел расслабленным и элегантным. Небрежно зачесав волосы назад, он лениво прокрутил в руках кий, сделал пару шагов вокруг стола, примерился и точным, коротким ударом отправил шар прямиком в лузу.

— Отличный удар, — одобрительно отозвался Чэн Шу, опираясь на свой кий.

В стороне от играющих, не обращая внимания на их тихое соперничество, устроились Янь Дунсуй, Чжан Цзюньминь и А-Сюань. Потягивая дорогое красное вино из бокалов, они вели неспешную беседу.

— Значит, Чжу Яньфэн действительно доигрался? — тихо спросил А-Сюань.

— Не то слово, — со вздохом отозвался Янь Дунсуй. — Жаль парня, конечно. Пусть мы и не слишком дружили, но все-таки выросли в одном военном городке. Грустно видеть такой финал. Пока старый генерал Чжу был жив, он его хоть как-то сдерживал. Но не прошло и года со смерти старика, как тот совсем пустился во все тяжкие. А ведь все надеялись, что он остепенится. До последнего закрывали глаза, щадя память покойного героя.

— Говорят, он и сам хотел выйти из дела, — добавил Чжан Цзюньминь, — да партнеры не позволили. Пришлось лезть на рожон. Сам виноват, завяз слишком глубоко. Из таких сетей живым по своей воле не отпускают.

— Неужели за этим стоит кто-то из наших? — нахмурился А-Сюань.

— Нет, ниточки тянутся из-за границы. Те дельцы ничем не брезгают. А у нас в стране с этим строго: контрабанда, наркотики, притоны... Стоит раз оступиться — и пиши пропало. Закон пощады не знает.

— Как глупо, — тихо вздохнул А-Сюань. — Жаль покойного генерала. Сколько сил он вложил, чтобы обустроить судьбу внука, и всё прахом...

В памяти А-Сюаня покойный Генерал Чжу остался громогласным, жизнерадостным и очень светлым человеком.

— В любых других обстоятельствах его бы еще могли отмазать связи, — продолжил Янь Дунсуй. — Но за такую грязь никто заступаться не станет, слишком велик риск погореть самому. Семья его жены — люди влиятельные, но даже они сейчас затаились и делают вид, что знать его не знают.

Они прошли еще по паре столичных слухов, но без злорадства, скорее отдавая дань прежней дружбе, а затем легко сменили тему.

После того как все они разъехались по разным ведомствам и городам, собраться прежней компанией удавалось крайне редко. В этом году совпали отпуска, даже вечно занятой Чэн Шу выкроил несколько дней. Вместо шумных ресторанов и бесконечной борьбы с алкоголем они предпочли тихий бильярдный клуб, где можно было спокойно поговорить без лишних глаз.

— На самом деле, альтернатив застолию полно, — лениво протянул Янь Дунсуй. — Было бы желание. Но у нас ведь как заведено: пока не выпьешь с человеком, доверия не будет. Помню, когда меня отправили на стажировку в провинцию, я за те пару лет умудрился набрать приличный пивной живот. Настоящее испытание для печени.

— А вы знали, — подал голос Чжан Цзюньминь, — что за один только предпраздничный месяц в стране выпивается больше четверти годового запаса алкоголя? Мы по этому показателю прочно держим первое место в мире. Страшно представить, сколько здоровья люди оставляют за праздничными столами. И с каждым годом эти объемы только растут.

— Что далеко ходить, — усмехнулся Чэн Шу, отходя от бильярдного стола. — Ваша с Ли Каем подарочная серия элитного алкоголя расходуется перед Новым годом как горячие пирожки. А целебные настойки по рецептам А-Сюаня люди ящиками скупают, словно им их даром отдают.

Янь Дунсуй со вздохом похлопал себя по округлившемуся животу:

— А-Сюань, спасай. Будет время — приготовь мне своих фирменных пилюль для печени и желудка. Последние недели сплошные тосты, чувствую себя паршиво.

Сам он к рюмке не тянулся, но служебное положение обязывало: подчиненные и партнеры, желая выказать уважение в праздники, засыпали его приглашениями, и совсем отказаться от выпивки было невозможно.

— И нам запиши в заказ, — поддержали его остальные. — На эти застолья уже смотреть тошно.

— Ждать не придется, — улыбнулся А-Сюань. — Гоудань в последнее время тоже часто задерживается на банкетах, так что я приготовил защитные сборы с запасом. Завтра же отправлю курьера к вам домой, привезут сколько нужно.

— Золотой ты человек. Как же повезло Гоуданю иметь под боком личного доктора, — позавидовал Янь Дунсуй.

— Ну, тут раз на раз не приходится, — рассмеялся Чжан Цзюньминь. — Моя супруга тоже врач, только акушер-гинеколог, от похмелья она меня точно не спасет. Да и не каждый доктор сравнится с А-Сюанем. Он ведь у нас уникальный специалист: одинаково хорошо разбирается и в западной, и в традиционной китайской медицине, сам разрабатывает уникальные рецепты и создает патентованные лекарства.

Репутация А-Сюаня в столичных кругах давно вышла за пределы обычной врачебной практики. Его ценили не просто как основателя успешной частной клиники, а как выдающегося ученого, совершившего прорыв в области интегративной медицины. Крупнейшие фармацевтические концерны почитали за честь сотрудничество с ним: за свои патенты он получал солидные доли в производстве. Лекарственные средства, созданные по его формулам, славились мягким воздействием и высокой эффективностью, благодаря чему активно экспортировались за рубеж и приносили огромную прибыль.

Высокопоставленные родственники Чэн Шу и его друзей имели доступ к лучшим ведомственным клиникам, однако на склоне лет многие из них предпочитали доверять свое здоровье именно традиционным методам. Их личными лечащими врачами были светила первой величины. Национальный мастер медицины Цинь, признанный национальным достоянием, в силу почтенного возраста практически отошел от дел и больше не вел прием. Но его любимый ученик превзошел учителя. Медицинские карты и истории болезни самых влиятельных людей страны теперь хранились в картотеке А-Сюаня. Именно это доверие высших эшелонов власти обеспечивало его клинике абсолютную неприкосновенность от любых бюрократических нападков и проверок.

— Да ладно вам, — смущенно отмахнулся А-Сюань. — Не нужно преувеличивать мои заслуги. Кроме медицины я ведь ничего и не умею. Это просто ремесло, которое помогает мне крепко стоять на ногах.

Он действительно никогда не страдал тщеславием. По его глубокому убеждению, каждый человек в этом мире должен владеть делом своей жизни, чтобы приносить пользу обществу. Ему просто выпала доля лечить людей, и он старался выполнять ее честно.

<http://bllate.org/book/19654/1996889>